

*Эта книга посвящается моим Летним Детям,
всем детям театра «Подмостки».
Но особенно — нашей Кэйти.*

Все прошлое — пролог.
У. Шекспир. «Буря»

Он продирается за мной сквозь кусты,
тяжело дыша и выкрикивая мое имя.
Даже несмотря на ветер и проливной дождь,
я слышу только его. И прибавляю шаг.
Я выбегаю на открытое пространство
и чувствую, что он приближается.
Теперь больше нигде укрыться, кроме как
в темноте. Я выключаю свой фонарик
и позволяю тьме поглотить меня.

Когда я в последний раз виделась со своей лучшей подругой, она назвала меня жалкой лгуньей и ударила кулаком в челюсть. Из-за шока я ничего не почувствовала, понятия не имею, о чем думала Элора в тот момент. Она мне не сказала, а я не умею читать мысли.

Вот Лапочка, моя бабушка, умеет. Моя мать тоже умела. Все женщины в моей семье умели это делать.

Но только не я.

Я размышляю о той ночи прошлым летом, стоя на парадном крыльце нашего книжного магазина «Мистическая Роза». Смотрю на объявление, где сообщается о пропаже Элоры, и стараюсь успокоить дыхание. Мне непонятно, почему они выбрали именно эту фотографию. Ту, где Элора с полужакрытыми глазами, она ненавидела этот снимок.

Боже.

Не ненавидела, а *ненавидит*.

Я морально готовила себя к этому моменту со времен телефонного звонка в феврале. Старалась представить, как это будет, когда я вернусь домой и сойду с парходика в Ла-Кашетт, где уже нет Элоры. Я знала, что будет тяжело, но не была готова увидеть плакат, на котором слова: ПРОПАЛА ДЕВУШКА, напечатаны большими красными буквами. И номер телефона шерифа.

Я чувствую, как внутри все сжимается. Рюкзак падает на землю, а я опускаюсь на ступеньки крыльца, чтобы собраться с силами. Очистить голову от жуткого видения, которое, словно вспышка молнии, поразило меня.

Образ Элоры, убегающей от кого-то.

Незнакомец преследует ее под дождем.

А потом Элору поглощает тьма.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы избавиться от ужаса. Ее ужаса. Тогда я снова могу нормально дышать.

Хлопает соседская сетчатая дверь, и я слышу шаги на крыльце у себя за спиной. Это Ева.

— Привет, Грей! — Она на корточках присаживается рядом со мной на ступеньках и предлагает разделить пластинку жвачки, вынув ее из кармана джинсовых шорт. — Мисс Розалин сказала, что ты приедешь сегодня утром. Ты только сейчас прибыла?

Городок Ла-Кашетт, штат Луизиана, — самопровозглашенная столица экстрасенсов, поэтому мне кажется странным, когда каждое мое лето начинается с того, что люди задают мне вопросы, ответы на которые им и так должны быть известны.

Как дела в школе в этом году?

По-прежнему хорошие отметки?

Уже встречаешься с парнем?

— Да. — Я принимаю угощение Евы и киваю в сторону лежащего около моих ног рюкзака. — Сошла с почтового судна несколько минут назад. — Жвачка немного засохла. Интересно, как долго Ева таскала ее с собой?

— Мы не знали, приедешь ли ты в этом году... — Голос Евы замирает, и она бросает взгляд на объявление о пропаже, на расположенную в его центре фотографию, на полузакрытые глаза и длинный темный конский хвост, на ярко-синюю майку без рукавов с выцветшими желтыми звездами. И на улыбку, как бы говорящую: «Уж я надеру тебе зад».

Элора...

— Она моя лучшая подруга, — произношу я. — Моя... — Но не могу выдавить больше ни слова.

— Твоя родственная душа, — говорит Ева, и я киваю. Она придвигается ближе и берет меня за руку. — Поэтому ты приехала.

Ласка Евы знакома мне так же хорошо, как гладкие ступеньки крыльца, как запах реки. Я рада, что именно она первой обнаружила меня.

Я вытираю пот верхней частью футболки. Сейчас только половина девятого утра, а такое ощущение, что уже миллион градусов жары и пятьсот процентов влажности. Почти до девяти лет я жила тут постоянно, так что вроде бы должна была привыкнуть к такой погоде. Но нет, мне всегда требуется время, чтобы акклиматизироваться после школьного года в Арканзасе, где я живу с отцом. Там тоже жарко... но не так, как здесь.

Нигде нет такой жары, как в Ла-Кашетте. И высокой влажности. Провести лето в этом городке все равно, что жить три месяца в сауне.

Я отвожу взгляд от фотографии Элоры и замечаю, как в высокой осоке рядом с дощатым настилом скрывается хвост большой черной змеи. Расстояние слишком большое, чтобы определить вид змеи. Но, по-моему, это щитомордник. Я знаю, что они тут обитают, ползают у нас под ногами. Время от времени кто-нибудь из них выполняет на дощатый настил, а затем в чей-нибудь дом, где встречает свою гибель от мотыги или лопаты.

Я не хочу думать о змее и о том, куда она направляется, но это лучше, чем смотреть на плакат и на слова «ПРОПАЛА ДЕВУШКА», которые прочно въедаются мне в мозг.

— Ты в порядке, Грей? — спрашивает Ева. Она наматывает на палец прядь светлых, почти белых, волос.

— Да. Просто как-то странно, понимаешь? Все по-другому...

— И в то же время все по-старому.

И это так.

Ева наклоняется, чтобы почесать место укуса насекомого на босой ступне, и я замечаю, как сильно она вытянулась с прошлого лета. К тому же у нее появилась грудь. В прошлом сентябре Еве исполнилось шестнадцать лет, она самая младшая из всех нас... но всего на год.

Местные называют нашу компанию «Летние Дети». Десять. Совершенное число. Число божественной гармонии. Десять заповедей. Десять казней египетских¹.

Десять младенцев, родившихся в восьми разных семьях.

Настоящий демографический бум для маленького Лакшетта. Сотня крохотных пальчиков на руках, и столько же — на ногах. Мы родились в один и тот же год между днем весеннего равноденствия в марте и днем осеннего равноденствия в сентябре.

Я, Элора. Харт.

Евангелина.

Серафина и Лисандр.

Кейс.

Мэки.

Эмбер и Орли.

Интересно, изменились ли остальные? Что происходило с Элорой, пока меня не было?

Черт!

Почему происходило? Происходит!

Внезапно меня пронзает боль, такая сильная, что я утопаю в ней. И, возможно, в отличие от меня Ева умеет читать мысли. Она кладет руку мне на плечи и неловко обнимает.

Только я знаю, что она не телепат. Ева — яснослышающая. Она многое слышит. Сообщения. Слова. Обрывки звучащих шепотом разговоров. Порой — музыку. У нее в голове словно работает радио. Такой у Евы дар.

Моя мать тоже не была настоящим телепатом. Не совсем. Она видела цветные свечения. Это был ее дар. Что

---

¹ Описанные в Пятикнижии бедствия, постигшие египтян за отказ египетского фараона освободить поработенных сынов Израилевых. — *Здесь и далее примеч. пер.*

объясняет то, как я получила свое имя¹. Представьте, что вы смотрите на свою прекрасную малышку и видите, как она плывет в море серого цвета.

Цвета тумана и нерешительности.

Такой цвет не представляет собой ничего особенного.

Это цвет всего промежуточного.

— Мы рады, что ты здесь, Грей. — Голос Евы мягкий. Она всегда говорит тихо, словно боится заглушить голоса в своей голове. Будь я на ее месте, наверное, говорила бы громко, чтобы не слышать их шепот. — Мы тебя ждали, — добавляет Ева. И я знаю, что она имеет в виду всех.

Ну, всех, кроме Эмбер и Орли, потому что они ушли навсегда.

И кроме Элоры.

Элора пропала чуть больше трех месяцев назад. Однажды февральской ночью она отправилась на болото и бесследно исчезла.

— Ты уже виделась с Хартом? — спрашивает Ева.

— Я не виделась ни с кем, — отвечаю я. — Кроме тебя.

— Он не в порядке, Грей. — Голос ее звучит как-то странно, и она отворачивается, смотрит в сторону реки. — Я хочу сказать, всем было тяжело, но Харту... он... — Ева нервно качает головой и начинает грызть ногти. — Ты сама заметишь.

Мне кажется неправильным, что мы обсуждаем Харта прежде, чем я увиделась с ним. Знаю, ему бы это не понравилось.

— Лапочка встала? — спрашиваю я.

— Да, — кивает Ева. — Она в подсобке распаковывает пачку новых дисков с йогой. Я принесла ей маффины для туристов.

Для всех остальных мою бабушку зовут мисс Розалин. Но я называю ее Лапочкой. Она владеет книжным магазином с эзотерической литературой — это единственный прибыльный бизнес в городе. «Мистическая Роза» продает книги, а также амулеты, магические кристаллы, благо-

---

¹ От англ. *Grey* — серый.

вония, свечи, лечебные травы, а теперь еще и диски с йогой. В выходные мать Евы, Бернадетта, подрабатывает, отправляя Лапочке свежую выпечку и бутерброды, чтобы та продавала их голодным туристам.

— Пожалуй, я дам ей знать, что уже приехала, — произношу я. — Она думает, что я прибуду десятичасовым парходом.

Не существует дорог, которые вели бы в Ла-Кашетт. Чтобы добраться сюда, из Нового Орлеана едешь два часа на машине на юг, затем шоссе заканчивается в Кинтере, крохотном городке, где можно купить продукты и бензин, а затем пересаживаешься на парходик и продолжаешь свой путь в парапсихологическую столицу мира. Путешествие по реке до Ла-Кашетт занимает полчаса.

Городок, хотя он недостаточно велик, чтобы так называться, расположен на низинном острове, в самой южной точке Луизианы, прямо в том месте, где могучая Миссисипи распадается на три рукава, а затем расщепляется еще на сотню, прежде чем излиться в заболоченную заводь, которая в итоге достигает Мексиканского залива. С одной стороны острова — «Старик-река»¹, а по другую — ничего, кроме полузатопленного болота.

Как любит повторять Харт, есть только вход. И никакого выхода.

Я бросаю взгляд на старую деревянную табличку, прибитую к столбу на лодочном причале.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛА-КАШЕТТ, ШТАТ ЛУИЗИАНА!

ВЫСОТА НАД УРОВНЕМ МОРЯ — 3 ФУТА.

НАСЕЛЕНИЕ — 106 ЧЕЛОВЕК».

Это число меняется, когда кто-нибудь рождается.

Или умирает.

В моем подсознании глумливый голос шепчет, что теперь им придется переделать эту табличку. Из-за Элоры. Но я затыкаю уши, не позволяю себе слушать.

---

¹ Прозвище реки Миссисипи.

В этот момент из книжного магазина доносится голос Лапочки:

— Грей, ты собираешься войти и поздороваться со мной?

Ева улыбается и собирается уходить:

— Она уже знает.

Дует легкий ветерок, и я слышу звон китайских колокольчиков где-то неподалеку. Это приятный звук. Почти как смех.

Улыбка Евы гаснет:

— Мисс Розалин всегда все знает.

Она поворачивается и шагает по дощатому настилу в направлении своего дома, находящегося по соседству. Но я останавливаю ее вопросом, который не собиралась задавать:

— Ты думаешь, она мертва?

Несколько секунд Ева пристально смотрит на меня, наматывая на палец длинную прядь светлых волос, моргает бледно-голубыми глазами, а потом произносит:

— А ты?

— Надеюсь, что нет.

Однако я не говорю Еве остального. Элора не может быть мертва, ведь если ее нет в живых, я не представляю, как буду продолжать жить дальше.

Ева поднимает руку, чтобы отогнать слепня, жужжащего вокруг ее головы, и, когда она открывает рот, чтобы снова заговорить, мне хочется сказать, что я не спрашиваю ее мнения. Я хочу понять, звучит ли у нее в голове радио, настроенное на частоту Элоры. Но единственное, что она говорит:

— Добро пожаловать домой, Грей!

Лапочка опять зовет меня из книжного магазина, я встаю и подбираю свой рюкзак. Потом выплевываю жвачку Евы в высокую траву и направляюсь внутрь.

Когда я открываю дверь, звонит колокольчик, и Лапочка кричит:

— Вернулась, Сахарная Пчелка!

Я осторожно проношу рюкзак через заполненный предметами магазин. Курятся благовония, и каждый дюйм буквально ломится от книг, бутылочек, баночек и цветных камней. На подоконниках в маленьких пучках сушатся травы.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дух в уютной обстановке сотен знакомых запахов, потом раздвигаю занавес из бусин, который висит у входа в подсобку. Лапочка прекращает распаковывать коробки и подходит, чтобы крепко обнять меня. На ней фиолетовое платье с цветочным рисунком и удобные белые теннисные туфли. Длинные серьги и желтый шарф, скрывающий седые кудри. Я не могу понять, изменилась ли она с тех пор, как я уехала отсюда в прошлом августе. Похоже, какого бы возраста ни была Лапочка, мне кажется, что она не меняется. Только, глядя на фотографии, я замечаю, что Лапочка стареет.

— Вот и моя девочка! — Она целует меня в макушку. — Какая у тебя прическа! — добавляет Лапочка, хотя у меня на протяжении многих лет одна и та же короткая стрижка пикси. — Ты выглядишь такой утонченной! — Это заставляет меня улыбнуться. — Я думала, ты приедешь позднее, — ворчит она. — Я бы приготовила завтрак.

Дважды в день в будни и три раза в выходные старый челнок ездит между Кинтером и Ла-Кашеттом. Первый рейс всегда бывает в десять часов. Однако, если повезет, можно уговорить капитана почтового судна, Альфонсо, позволить тебе поехать с его ранним рейсом. Сегодня мне повезло.

— Я не очень голодная, — отвечаю я. — Я съела батончик мюсли.

Лапочка поднимает брови, молчаливо порицая моего отца за то, что посадил меня на пароход без завтрака.

— Евангелина принесла свежих маффинов, — сообщает она. — С отрубями. И, по-моему, несколько штук с ежевикой. — Лапочка ведет меня обратно в магазин и указывает на корзинку возле кассы.

Я копаюсь в маффинах, пока не нахожу тот, что с ежевикой. Начинаю отдирать с него вощеную бумагу, когда замечаю на прилавке стопку листовок.

«ВЫ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?»

Под большими прописными буквами — еще одна фотография Элоры. На этот раз она сидит на краю столика для пикника позади ее дома. На ней джинсовые шорты и оранжевая укороченная майка. Длинные темные волосы распущены, солнцезащитные очки, как корона, украшают голову. Рот открыт — ее застигли в тот момент, когда она смеется.

Я тотчас узнала это фото. Оно было сделано в начале прошлого лета. До того, как у нас с Элорой все разладилось. Лишь узкая полоска голого плеча с краю снимка намекает на то, что кто-то сидит рядом с ней. Кто-то, кого позднее обрезали.

Этот кто-то — я.

Лучшая подруга, которую Элора вырезала из своей жизни, точно так же, как кто-то обрезал меня на фотографии.

Минуту я вспоминаю, стараясь припомнить, почему она смеялась. Я смотрю на Элору и на то пространство, где следовало находиться мне. Когда я наконец поднимаю голову, то вижу, что Лапочка наблюдает за мной.

— Ты ее чувствуешь, — произносит она. — Ты всегда говорила, что у тебя нет дара, но я не верила.

— Нет. — Я обратно заворачиваю маффин в бумагу и откладываю его в сторону. — Это не то. Я просто постоянно ожидаю, что она объявится, понимаешь?

Я хочу задать Лапочке тот же самый вопрос, который спросила у Евы. Знает ли она наверняка, жива ли Элора? Но я молчу, так как боюсь услышать ответ.

Лапочка — спиритуалист старой закалки. Настоящий медиум. Она верит, что духи мертвых существуют и обладают способностью напрямую общаться с живыми. Если пожелают.